

**Редакционная коллегия серии "Сказки и мифы народов
востока"**

24 Насреддина

УДК 82-3
ББК 84
Р33

Р33 **Редакционная коллегия серии "Сказки и мифы народов востока"**
24 Насреддина / Редакционная коллегия серии "Сказки и мифы народов востока" – М.: Книга по Требованию, 2023. – 622 с.

ISBN 978-5-458-46858-9

Сборник систематизирует богатейший фольклорный материал, связанный с одним из популярных героев мирового фольклора - Насреддином. Сопровождается предисловием, примечаниями и указателями. Сборник рассчитан на взрослого читателя.

ISBN 978-5-458-46858-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

МНОГОЛИКИЙ НАСРЕДДИН

1

Семь городов спорили за право называться родной Гомера. Втрое больше народов готовы назвать своим Насреддина. Ученые разных стран доискиваются: существовал ли такой человек в действительности и кем он был? В Турции, в малоазиатском городе Акшехире, показывают даже могилу Насреддина. Турецкие исследователи считают, что лицо это историческое. Найдены документы, в которых упоминается имя некоего Насреддина. Человек этот родился в деревне Хорто в 605 году хиджры (1206 г. п. э.). Отец его, Абдулла, был имамом. Насреддин получил образование в городе Конье, работал в Кастамону и умер в 683 году хиджры (1284/85 г.). Правда, на могильной плите гробницы, где, как уверяют, похоронен Насреддин, значится другая дата: 386 год хиджры, т. е. 993 г. п. э. Но, как замечает академик В. А. Гордлевский в статье, сопровождающей русское издание турецких анекдотов о Насреддине, по ряду причин «дата эта абсолютно неприемлема» [5, с. 245]¹. Было высказано, пишет он, предположение, что у такого шутника, как Насреддин, и надмогильная надпись должна читаться не как у людей, а задом наперед: 683. «Долго шла сказка, что тюрбе (мавзолей) Насреддина стоит на четырех столбах, кругом все открыто, а на дверях висят два больших деревянных замка, и кто проходит мимо — невольно улыбнется» [5, с. 242]².

Мнение о том, что дату на могильной плите следует читать «наоборот», оспаривает К. С. Давлетов [29]. Он, в частности, отвергает довод, будто Насреддин не мог жить в Акшехире в X в., так как территория, где находился этот город, принадлежала тогда Византии, и указывает на необычайно пестрый состав тогдашнего византийского населения: турок вполне мог быть там похоронен. Сам К. С. Давлетов относит зарождение образа Насреддина к VIII—XI вв., эпохе арабских завоеваний и борьбы народов против арабского ига. «Если искать в истории Востока период, который мог бы послужить колыбелью образа Ходжи Насреддина, который мог бы породить такое великолепное художественное обобщение, то безусловно можно остановиться только на этой эпохе» [29, с. 11]. С категоричностью такого утверж-

¹ Первая цифра здесь и далее указывает номер работы в списке литературы, вторая — страницу или (для источников № 4, 5, 9, 17, 22, 32, 34, 35) номер анекдота.

² Жан-Поль Гариье в своей книге «Ходжа Насреддин и его турецкие истории» [33] уточняет, что к могиле Насреддина было принято приходить перед свадьбой, причем паломники должны были расхотаться. Считалось, что земля с могилы лечит глаза. Он же приводит рассказ о том, что во время учебы в медресе Насреддин с двумя приятелями съели овцу учителя и за это были прокляты; оба приятеля погибли, а над Насреддином всю жизнь смеялись. Все эти сведения, конечно, легендарные, как и версия, что Насреддин оставил после себя сборники любовных стихов и афоризмов, погибшие при взятии Акшехира монголами.

дення трудно согласиться; образ Насреддина, каким он дошел до нас, складывался веками. Среди прочего К. С. Давлетов ссылается на смутные сведения о том, что «во времена халифа Гаруна ар-Рашида жил известный ученый Мохаммед Насреддин, учение которого оказалось противоречащим религии. Он был приговорен к смерти и, чтобы спастись, притворился сумасшедшим. Под этой маской он стал затем высмеивать своих врагов» [29, с. 11].

В последнее время интересную гипотезу выдвинули азербайджанские ученые. Ряд сопоставлений позволил им предположить, что прообразом Насреддина был известный ученый Ходжа Насреддин Туси, живший в XIII в. [6, с. 15—16]. Среди доводов в пользу этой гипотезы тот, например, факт, что в одном из источников Насреддин так и назван этим именем: Насиреддин Туси. В Азербайджане Насреддина зовут Молла — возможно, это имя, как считают исследователи, представляет собой искаженную форму имени Мовлан, которое принадлежало Туси. У него было еще одно имя — Хасан; в нашем сборнике помещен анекдот (№ 253), где Насреддин заказывает себе печать с этим именем, экономя на буквах. Подтверждает эту точку зрения и совпадение некоторых мотивов из произведений самого Туси и анекдотов о Насреддине (например, высмеивание предсказателей и астрологов). Соображения интересные; во всяком случае, вполне возможно, что произведения Туси обогатили круг анекдотов о Насреддине.

Выдвигаются и другие гипотезы. Многим ученым, однако, вопрос об исторической реальности этого фольклорного персонажа и его прототипе представляется второстепенным (см., например, мнение И. Брагинского [5, с. 12]). Это верно, во всяком случае для сборника, куда вошли рассказы о Насреддине, бытующие у двадцати четырех разных народов. Вероятно, какой-то реальный Насреддин действительно существовал (и скорее всего в XIII в.); многими своими чертами он напоминал хитреца, шутника и остроумца, которого мы знаем по анекдотам, дошедшим до наших дней; какой-то первоначальный круг сюжетов действительно обязан ему своим происхождением. Но в течение столетий у разных народов эти сюжеты пополнялись новыми, возникшими на иной основе, подчас в самой различной среде. Насреддину, в частности, приписывали шутки и проделки, остроты и приключения, связанные с именами других комических персонажей.

2

На Востоке их издревле было много³. У народов, среди которых получили хождение анекдоты о Насреддине, вам назовут одновременно и других шутников, остроумцев. У арабов это Джуха (или Джоха), у таджиков — Мушфики, у уйгуров — Саяй Чаккап и Молла Зайдин, у туркмен — Кемине, у болгар и народов Югославии — Хитрый Петр и т. д.

Фольклорные судьбы этих героев подчас самым тесным образом переплетены с судьбой Насреддина. Характерным примером могут служить арабские анекдоты о Джухе. Предполагают, что у этого фольклорного героя был реальный прототип — араб родом из Куфы⁴. Рассказы о Джухе

³ О некоторых предшественниках и современниках Насреддина в литературе и фольклоре Востока рассказывает И. Брагинский в статье, предваряющей сборник турецких анекдотов [5]. См. также сборник Г. Л. Пермякова «Проделки хитрецов» [19].

⁴ Как был реальный прообраз и у героя уйгурского фольклора Саяй Чаккана, и у туркменского Кемине (поэт Мамед Вели Кемине), и у многих других.

создавались независимо от рассказов о Насреддине; многие из них генетически восходили к древнейшим комическим сюжетам, известным еще по индийским сборникам сказок. В дальнейшем, однако, произошли многочисленные заимствования и переименования, которые привели чуть ли не к отождествлению обоих образов. «Анекдоты, собранные вокруг имени Джухи,— пишет В. А. Гордлевский,— перешли к туркам; турки узнали здесь знакомые черты,— так обогатился образ ходжи Насреддина... Когда анекдоты о Насреддине переведены были... на арабский язык, ходжа Насреддин был переименован в Джуху „румского“ (т. е. малоазиатского)» [5, с. 244].

Отождествление это (поддержанное, как считают некоторые, и сходным звучанием слов «ходжа» — «Джоха») дошло до того, что А. Вессельский включил в свой знаменитый двухтомник о Насреддине [35] свыше ста анекдотов о Джохе (берберский Джуха, Шаха, мальтийский Джахан, сицилийский Гьюфа, калабрийский Хьоха, Ювади). Генетически все они связаны с арабским Джохой, рассказы о котором А. Вессельский приводит по книге «*Nawadir el chodscha nasr ed-din effendi dschoha*». Как видно из заглавия, тут произошло даже слияние имен обоих персонажей. Действительно, в некоторых арабских анекдотах героя так и зовут: Насреддин Джоха (или попеременно: то Насреддин, то Джоха). Для нашего сборника отобраны только те арабские анекдоты, где прямо фигурирует имя Насреддин. Все же остальные рассказы о Джохе, Гьюфе, Хьохе и прочих, как нам кажется, в книгу о Насреддине не могут быть включены (хотя сюжеты большинства из них, к слову сказать, полностью аналогичны сюжетам о Насреддине, представленным в нашем сборнике анекдотами других народов).

Если причислять к рассказам о Насреддине истории о Джохе, с таким же основанием можно включить в книгу и сюжеты о Салая Чаккане, Ахмед-Ахаве Озенбашском, Кемине, Джалуле и т. п. Эти национальные персонажи, однако, существуют вполне самостоятельно в разных странах, иногда параллельно с Насреддином, иногда по разным причинам постепенно вытесняя его (выбирая при этом многие связанные с его именем сюжеты). С Джухой, например, именно так и произошло. Этот национальный арабский персонаж в своем языковом и культурном ареале оказался «сильнее»; столкнувшись с Насреддином, он как бы вобрал его в себя. В то же время в Турции (где впервые анекдоты о знаменитом ходже записаны еще в XVI в., после нескольких веков устного бытования) Насреддин — вне конкуренции. У тюркоязычных народов, связанных культурным, этническим, религиозным родством, а также в странах, некогда подвластных Османской империи, образ Насреддина вступал в разнообразные, порой сложные и даже конфликтные отношения с традиционными национальными комическими персонажами.

Чаще всего они сосуществуют здесь параллельно, не вытесняя друг друга и даже взаимно обогащаясь. Некоторые истории, которые рассказывают об уйгурском Салая Чаккане или Молле Зайдине [14], в других версиях приписываются Насреддину; то же можно сказать и об Ахмед-Ахаве Озенбашском, и о Кемине. Но нередки случаи прямого столкновения Насреддина с другими хитрецами и остроумцами, и здесь характер сюжета во многом зависит от симпатий рассказчика. Так получилось, например, в Болгарии и у некоторых народов современной Югославии, где наряду с Насреддином издавна веселил народ своими проделками и шутками Хитрый Петр (или Хитрый Петре).

Болгарский исследователь Величко Вилчев посвятил этой теме целую обстоятельную монографию [32]. «Именно в Болгарии,— отмечает он,— вследствие более позднего освобождения от османского господства создаются условия для более продолжительного общения между болгарами и турками, а наряду с этим для более интенсивного умножения ряда сюжетов

и мотивов посредниковского цикла, для более прочных взаимных фольклорных влияний. И как раз у нас оформляется фольклорный образ национального комического героя, который противопоставляется хитрому Насреддину» [32, с. 344]. В. Вылчев проследживает историческую и генетическую взаимосвязь этих образов, в конкретном формировании которых важную роль сыграли болгарские бытовые и юмористические сказки, рассматривает своеобразие каждого, их национально-самобытную сущность, выявляет социальные, политические, антиклерикальные мотивы, отразившиеся в этих циклах, и т. д. По словам автора, анекдоты про Хитрого Петра «считаются анекдотами про ходжу Насреддина» [32, с. 343]. В то же время и образ Насреддина на болгарской почве претерпел серьезные структурные и сюжетные изменения.

Здесь интересно остановиться на одном моменте. В ряде анекдотов оба хитреца и остролова сталкиваются лицом к лицу. Иногда эти столкновения нейтральны и даже как бы необязательны. Таков, например, анекдот о том, как Хитрый Петр брил ходжу Насреддина.

«Пошел Сарадин-оджа бриться к Хитрому Петру. Тот стал его брить и порезал. Взял Хитрый Петр вату, приложил ее к голове оджи, чтобы остановить кровь. А оджа сказал:

— На одной половине головы ты мне посеял хлопок⁵, на другой половине я посею лен» [32, 175].

Если сравнить этот анекдот с нашим № 467 и всеми вариантами, указанными в комментарии к нему, станет очевидно, что Хитрый Петр вполне мог быть заменен здесь безымянным персонажем. Правда, в других национальных вариантах данного анекдота этот персонаж — просто неумелый цирюльник и высмеивается за неумение⁶. Хитрый же Петр вполне мог нарочно досадить своему всегдашнему сопернику, а Насреддин не остается в долгу; это придает сюжету иной смысловой оттенок. Он особенно заметен в случаях, когда оба героя меряются хитростью (см. № 443—461 нашего сборника и комментарии к ним). В зависимости от симпатий рассказчика (определяемых, видимо, и принадлежностью к той или иной этнической группе) один из них демонстрирует свое превосходство. Характерно начало одного из болгарских вариантов: «Турок ходжа Насреддин, враль и хитрец, пришел однажды из Анатолии в болгарскую землю надувать простаков. Тут врал, там врал, наконец добрался до деревни, где жил Хитрый Петр». В серии соревнований Хитрый Петр несколько раз обводит Насреддина вокруг пальца.

То же происходит и в македонском анекдоте о Насреддине и Хитром Петре (№ 443). «Так вот Петре еще малым ребенком оказался хитрей Насреддина-ходжи. Было так — и сейчас так осталось». Во всех других национальных вариантах этого анекдота (о хитреце, объявившем себя петухом при курах, которые снесли яйца, см. примеч. к № 443) именно Насреддин берет верх над шутниками⁷.

⁵ Болгарское слово «памук» переводится и как «вата», и как «хлопок».

⁶ Иногда Насреддин даже добавляет: «Расплатись, когда соберу урожай».

⁷ Следует сразу отметить, что превосходство или поражение Насреддина далеко не всегда определяется национальными, религиозными, социальными или иными симпатиями рассказчика. Внутри одного и того же национального цикла анекдотов этот герой сплошь и рядом оказывается то обманщиком, то обманутым, то вором, то обворованным, то мудрецом, то дураком. Причины тут многообразны и сложные; об этом еще будет сказано дальше.

Своеобразны болгарские анекдоты, где Насреддин и Хитрый Петр, сговорившись, совместно принимаются дурачить остальных (№ 539).

Вопросу национального бытования рассказов о Насреддине у разных народов, связям этого героя с традициями и персонажами того или иного фольклора посвящено немало интересных работ. О Насреддине и Ахмед-Ахас Озельбашском писал С. Д. Коцюбинский [4]. Серьезные труды «насреддиновской» проблеме посвятили И. Г. Константи (Румыния); Ф. Байрактаревич (Югославия) и др.⁸

О Насреддине пишут и в Китае — можно указать на дискуссию в журнале «Миңьцзянь вэньсюэ»⁹. О нем писал известный китайский литературовед и переводчик Гэ Баоцюань. Анекдоты о Насреддине печатались на страницах газет «Жэньминь жибао», «Синьцзян жибао», «Ганьсу жибао», «Шэньси жибао», «Синь Хунань жибао», «Тяньцзинь жибао», шанхайской вечерней газеты «Синьминь ваньбао», кантонской вечерней газеты «Янчэи ваньбао», в журналах «Чжунго циньянь» («Китайская молодежь»), «Жэньминь хуабao» (иллюстрированный журнал, издающийся в Пекине на разных языках) и даже в журнале «Народный Китай» на языке эсперанто. В 1958 г. в Шанхае вышел сборник «Истории об Афанди» («Афанди-ды гуши»), составленный Чжао Шиньзе, а в 1959 г. в Пекине — новый сборник под тем же названием, составленный Обществом изучения фольклора Китая. В 1963 г. сборник «Истории о Насреддине Афанди» был издан в Урумчи. Наряду с Гэ Баоцюанем¹⁰ со статьями о Насреддине на страницах китайских газет и журналов выступали известные фольклористы Цзя Чжи, Дуань Баолинь, Бу Чжаоюй. Китайскую провинцию Ганьсу можно считать, вероятно, самой восточной точкой бытования анекдотов о Насреддине. В сборнике «Избранные сказки провинции Ганьсу» («Ганьсу миңьцзянь гуши сюань», Ланьчжоу, 1962) помещен ряд анекдотов, записанных от ганьсуйских уйгуров, аналогичных содержащимся в данном сборнике (№ 50, 242, 438, 652 и комментарии к ним).

Все огромное разнообразие «насреддиновских» публикаций на многих языках, конечно, не могло быть отражено в этой книге¹¹. Тем не менее в сборник, предлагаемый вниманию читателя, удалось включить свыше 1200

⁸ Konstantin I. G. Nasreddin chez les Turcs, les peuples balkaniques et les Roumains. — «Der Islam». 1967, № 1—2, с. 91—130. Байрактаревич Ф. Проблема Ходжи Насреддина. Белград, 1934. См. также: P. N. Boratav. Autour de Nasreddin Noca. — «Oriens». 1963, № 16, с. 194—223, и другие работы.

⁹ «Фольклор». 1956, № 1, 7. Как любезно сообщили автору Б. Л. Рифтин, познакомившийся с рукописью данного сборника, начиная с 1955 г. анекдоты об Афанди получили чрезвычайно широкую популярность в Китае. (Источники, приводимые далее, указаны Б. Л. Рифтиным.)

¹⁰ См. журнал «Миңьцзянь вэньсюэ», 1963, № 1.

¹¹ Есть, например, указания на то, что Насреддин фигурировал и в грузинском, и в армянском фольклоре. «В дошедших в устном или письменном виде произведениях грузинского фольклора иногда встречаются анекдоты из цикла Моллы Насреддина, по их не очень много» (Грузинский народный юмор. Тб., 1967, с. 14). Неясно, однако, идет ли здесь речь о собственно «грузинском» Насреддине или о «насреддиновских» сюжетах, приписанных другим персонажам. В 1898 г. тифлисский книготорговец и культурный деятель К. Н. Бегичев издал собранные им анекдоты о Насреддине («Анекдоты моллы Наср-Эддина». Собрал и издал К. Н. Бегичев. Тифлис, 1898). Здесь есть интересные сюжеты, не представленные в нашем сборнике. Но и тут неясно, фольклорные ли это записи, где они собраны (в некоторых старых изданиях «грузинскими» назывались анекдоты, записанные вообще

сюжетов (не считая вариантов, многие из которых в других изданиях рассматриваются как самостоятельные сюжеты), принадлежащих двадцати четырем народам. Для сравнения можно сказать, что уже упоминавшийся знаменитый двухтомник А. Вессельского, наиболее полный из вышедших до сих пор, включает всего 515 сюжетов, принадлежащих девяти народам. Но из них свыше ста сюжетов, как уже отмечалось, связаны с именем арабского Джахи и прямого отношения к Насреддину, строго говоря, не имеют (почти все арабские и все генетически связанные с ними берберские, мальтийские, сицилийские, калабрийские сюжеты). В настоящее, второе издание введены не представленные ранее анекдоты поволжских татар; впервые публикуются в русском переводе ряд оригинальных болгарских сюжетов из собрания В. Вылчева и тексты из других источников¹².

3

Конечно, и самый представительный сборник не может претендовать на исчерпывающую полноту. Дело даже не в ограниченных возможностях отдельного составителя, а в том, что Насреддин — до сих пор живой и развивающийся герой. У разных народов ему продолжают приписывать все новые шутки, проделки, истории (в том числе, как уже было замечено, и связывавшиеся прежде с именами других персонажей). Пожалуй, из всех фольклорных остроловов и шутишек он самый живучий. Появляются и современные анекдоты о Насреддине; их иногда печатают юмористические журналы. Так, в журнале «Крокодил» (1982, № 13) была напечатана целая подборка «Новые шутки Насреддина» (см. примеч. к № 916). Оригинальный сюжет приводит в своей книге В. Вылчев:

«Шли как-то по дороге Хитрый Петр и ходжа Настрада и спорили, кто из них лучше знает правила уличного движения. Петр сказал:

— Да я правила панзусть знаю! Я ведь недавно экзамен сдавал.

— Сейчас проверим, — ответил Настрада. — Вот, предположим, ты, Петр, едешь по главной улице, пересекающей боковую, и, не доезжая десяти метров до перекрестка, видишь, что по этой улице кто-то едет. Что ты будешь делать?

— Я остановлюсь и посмотрю по сторонам.

— Хорошо же ты знаешь правила! Как же ты сдавал экзамен? Ведь ты в этом случае в более выгодном положении.

— Да я хорошо знаю, что это так, но ведь неизвестно, знает ли об этом тот, кто едет по боковой улице. Поэтому я сначала посмотрю, что он будет делать, а потом уже тронусь с места» [32, 180].

на Кавказе). Это, к сожалению, не позволило включить их в книгу. На грузинском языке издавались также анекдоты о Насреддине, переведенные с персидского («Шутки муллы Наср-Эддина». Тб., 1941). Можно предположить, что у грузин и армян, основной религией которых издавна было христианство, герой, заимствованный у народов мусульманских, постепенно вытеснялся другими, имеющими более основательные национальные корни, такими, как карабахский шутишка Пулу-Пуги у армян и др. Многие «насреддиновские» сюжеты стали связываться преимущественно с их именами (как в других случаях сам Насреддин «вбирал» сюжеты родственных героев).

¹² Переводы текстов из книг В. Вылчева [32] и «Проделки Насреддина» [34] выполнены Т. Н. Эйдельман, из книги А. Вессельского [35] — составителем.

Хотя запись документирована (записано в 1971 г. в селе Вардун от П. Панайотова), можно предположить, что рассказчик приписал фольклорным героям историю, вычитанную или услышанную про кого-то другого. Несколько подобных анекдотов приведено в уйгурском сборнике [14]:

«Афанди шел по улице и с аппетитом уплетал краюху хлеба.

— Что это вы, как мальчишка, бежите по улице с куском хлеба! — заметил ему прохожий.

— Конечно, это неприлично, — согласился Афанди, — но я же иду в столовую.

— Тем более, зачем жевать всухомятку?

— То-то и оно, — пояснил Афанди, — в нашей столовой умрешь с голоду, пока дождешься чего-нибудь поесть».

«У Афанди заболели зубы. Три дня ходил он в больницу, но на прием к врачу так и не попал: то кончилась запись, то диспансерный день, то врача вызвали куда-то....

А боль не утихала. Подвязал Афанди нижнюю челюсть платком, затянул кончики на макушке и пошел в больницу в четвертый раз.

— Что с тобой, Афанди? — остановил его сосед. — Ты перевязал себя, как покойника.

— Приходится, — превозмогая боль, прошептал Афанди. — К нашему врачу пока дождешься приема — и умереть не хитро. Если умру, так хоть хлопот будет меньше — челюсть-то уже подвязана»¹³.

Эти и подобные им анекдоты, однако, не случайно не включены в данный сборник (некоторые лишь отмечены в комментариях). Очевидно их не фольклорное, а литературное происхождение (хотя автор, как часто бывает в публикациях современного юмора, остается анонимным). Здесь вообще надо оговориться: лишь очень немногие издания анекдотов о Насреддине отсылают, как это принято в современной фольклористике, к строго документированным записям. В. А. Гордлевский, например, прямо указывал на литературное, «искусственное» происхождение некоторых турецких сюжетов [5]. Однако и эти литературные сюжеты нередко затем входили в фольклор, видоизменялись, переходили из страны в страну. Так происходит и до сих пор. В современных журналах публикуются порой как исторически достоверные рассказы о знаменитых людях, их шутки и словечки, происхождение которых читатель этого сборника узнает без труда. Вот хотя бы анекдот о Марке Твене: «Будучи редактором городской газеты, Марк Твен получил однажды от некоего горожанина, видимо задетого газетой, письмо с одним словом: „Свинья“.

На следующий день в газете появился ответ редактора: „Мы нередко получаем письма без подписи, но вчера впервые получили одну подпись без письма“»¹⁴.

Сравните эту остроту с ответом Насреддина в уйгурском анекдоте «Кто осел?» (№ 500). Знал ли Марк Твен эту знаменитую фольклорную шутку, или молва просто связала ее с именем современного юмориста? «Насреддиновские» ответы приписывались и А. Эйнштейну, и тоже достоверно не всегда скажешь: цитировал ли великий ученый известную шутку или вообще ничего подобного не говорил, — просто анекдот как бы обновляется,

¹³ В уйгурском сборнике в раздел «Афанди сегодня» попали даже такие традиционно известные анекдоты, как истории с неумелым цирюльником, компасом, «Сколько часов в сутках?», «Что лучше: Солнце или Луна?» и др. См. № 7, 324 и другие анекдоты данного сборника и комментарии к ним.

¹⁴ «Наука и жизнь». 1976, № 8, с. 153

будучи приписан нашему современнику или известному историческому лицу.

Вот еще пример:

«Король Фридрих II, правивший Пруссией в XVIII в., как-то посетил городскую тюрьму Берлина. Заключенные один за другим припадали к королевским столам, сетовали на злую судьбу и клялись в своей невинности. Лишь один скромно стоял в стороне, не прося короля о помиловании.

— Ну а ты,— обратился к нему король,— ты тоже попал сюда по ошибке?

— Нет, ваше величество, я несу заслуженное наказание. Я осужден за вооруженное ограбление.

— Эй, стража! — вскричал монарх.— Немедленно выгнать отсюда этого бандита, чтобы он не портил своим присутствием общество порядочных людей!»¹⁵.

Пусть читатель сравнит этот рассказ с сюжетом № 958 («Случай в зиндапе») и сам поразмышляет на тему о совпадениях, заимствованиях и достоверности анекдотов, которые принято называть «историческими».

Нынешний читатель, недавно смеявшийся над только что услышанным, совсем «свеженьким» анекдотом, не без удивления найдет на этих страницах его классический прообраз. Без особого преувеличения можно утверждать, что тысяча двести историй о Насреддине, представленных здесь, в значительной своей части совпадают с основой мирового фольклорного фонда анекдотов. Заглянув в комментарии к текстам, где указаны их национальные варианты, можно выделить обширную группу сюжетов, которые зафиксированы у пяти-шести, а иногда и более народов. Многие из них отмечены и в указателях Аарне — Томпсона [1] и Аарне — Андреева [2]. Отчасти это традиционные сюжеты, издавна известные многим народам и связанные с именами самых разных фольклорных героев; в то же время именно среди этих анекдотов те, что составляют ядро специфически «насреддиновского» цикла¹⁶. Некоторые анекдоты зафиксированы только у одного-двух народов; среди них можно заметить и сюжеты, видимо, литературного происхождения, и истории, более известные по другим циклам, а Насреддину приписанные позднее.

Теоретически говоря, едва ли не любой анекдотический сюжет может быть так или иначе связан с именем этого героя. Однако в действительности, думается, число принципиально новых фольклорных сюжетов о Насреддине, которые могли бы пополнить этот сборник, сравнительно невелико. В большинстве случаев речь может, видимо, идти о национальных вариантах и модификациях уже известных сюжетов. Потому что Насреддин — при всей противоречивости, при всех многовековых напластованиях, осложнивших его образ,— имеет свою, более или менее явно очерченную индивидуальность, отличающую его, скажем, от немецкого Тилли Эйленшпигеля или индийского Бирбала. Цикл анекдотов о нем — отнюдь не конгломерат любых возможных рассказов о хитрецах, шутах, остроумцах, вообще не имеющих границ.

Но кто же тогда этот многоликий, многонациональный Насреддин и в каком смысле можно говорить о его индивидуальности? Ответить на этот во-

¹⁵ «Наука и жизнь». 1976, № 10, с. 141.

¹⁶ Реальный Насреддин, если он в самом деле существовал, как и современные шутники, тоже мог использовать в обиходе классические острооты; как легко молва могла приписать ему их авторство, мы уже видели на других примерах.

прос не просто — куда сложнее, чем в том случае, когда мы имеем дело с любым конкретным национальным Насреддином.

Попробуем для начала хоть как-то распределить весь пестрый, противоречивый материал о нем.

4

Необходимость классификации сюжетов, распределения их по разделам для составителя была задана уже самим обилием материала — иначе в нем невозможно было бы ориентироваться. (В большинстве издававшихся сборников анекдоты о Насреддине не располагались в строгом порядке, но там было несравненно меньше текстов, не говоря уже об отсутствии множества национальных вариантов.) Сколько-нибудь разработанной классификации анекдотических текстов вообще не существует; соответствующие разделы в наиболее известных указателях сказочных сюжетов [см. 1, 2] далеко не покрывают всего разнообразия и обилия материала, который порой нелегко поддается описанию и классификации. Такой текст зачастую не имеет сюжета, состоит из одной-двух фраз, сводится к сентенции, остроумному словцу и т. п.¹⁷

Наиболее удобным в данном случае составителю показался тематический принцип классификации. Прежде всего были выделены разделы, формулирующие характер отношений Насреддина с другими персонажами: «Насреддин и его жена», «Насреддин и его дети», «Насреддин и торговцы», «Насреддин и воры», «Насреддин и обманщики (хитрецы)», «Насреддин и властители», «Насреддин и судьи», «Насреддин и священнослужители», «Насреддин и лекари» и т. д. (см. тематический указатель). Внутри таких разделов с особой наглядностью и полнотой раскрылась уже упоминавшаяся амбивалентность Насреддина. В частности, его роль бывает двойственной: он то покупец, то сам торговец, то обворованный, то сам вор, то обманутый, то сам обманщик, то пациент, то сам лекарь и т. д. (при этом в каждой роли он то глуп, то умен, то хитрец, то простаk¹⁸). Это отразилось в двойственности тематических заголовков: «Насреддин и торговцы (Насреддин-торговец)», «Насреддин и воры (Насреддин-вор)». Формулировка отношений героя с другими персонажами практически позволяет описать и разнообразные свойства его личности: «Насреддин и глупцы (Насреддин-глупец)», «Насреддин и остролисты (Насреддин-остролист)» и т. д.

Уже это самое общее подразделение позволяет судить о поразительной разноликости героя, на которую указывали все последователи писавшие о нем¹⁹. Сравнение национальных вариантов каждого сюжета делает эту противоречивость еще более парадоксальной.

¹⁷ Г. Л. Пермяков в работе «От поговорки до сказки» (М., 1970) предложил называть анекдоты, состоящие из реплики персонажа и «авторской» ремарки (или из нескольких реплик с ремарками), «одномоментными анекдотами»; анекдоты же, представляющие собой небольшое сюжетное повествование и состоящие из двух, трех и более сценок, — «сюжетными анекдотами», или «шванками». В данном сборнике тексты по структуре не классифицируются.

¹⁸ Конечно, в таких разделах, как «Насреддин и его жена» или «Насреддин и властители», герой выступает всегда в одной функциональной роли (хотя «властителем» себя порой и объявляет — см. № 887, 904). Однако и здесь он то умен, то глуп, то смел, то труслив и т. п.

¹⁹ Г. Л. Пермяков отмечает, что смысловая трансформация вообще характерна для фольклорных хитрецов, «таких, как Абу-Навас, Ахмет-Ахай,

Вот несколько примеров. В греческом анекдоте «Превращения осла» (№ 365) хитрые воры крадут у Насреддина осла, уверив ходжу, что животное превратилось в человека. В узбекском варианте того же анекдота Насреддин сам крадет осла таким же образом [7, 12]. Вообще в разделе «Насреддин и воры (Насреддин-вор)» он в разных анекдотах одного и того же народа, как и в разных национальных версиях одного и того же анекдота (см., например, № 348 и комментарий к нему), оказывается то среди первых, то среди вторых (а иногда, будучи обворованным, сам потом обкрадывает вора).

В разделе о Насреддине и хитрецах (обманщиках, обидчиках) герой сплошь и рядом в сходных ситуациях оказывается то обманщиком, то обманутым. В хорватском анекдоте цыган обманывает ходжу угрозой «сделать то, чего никогда не делал» (№ 421), в сходном персидском Насреддин сам потребовал у крестьян еды: «А не то я сделаю то же, что в соседней деревне»; когда же его накормили, объяснил: «Если бы и вы отказали, я пошел бы дальше» [8, 143]. В других разделах он то правоверный священнослужитель, то насмешливый безбожник, то судья (иногда справедливый, иногда несправедливый), то сам предстает перед судом (иногда как истец, иногда как ответчик или свидетель). И т. д. и т. п.

Одну причину такой противоречивости образа мы уже указали: национальные симпатии рассказчика. Но рассказы о Насреддине складывались в течение веков не только у разных народов, но и в разной среде, они создавались разными людьми, которые приписывали популярному герою те или иные черты, приключения, слова в зависимости от социальных, религиозных и иных симпатий и антипатий. Это тоже источник противоречивости знаменитого ходжи (но опять же не единственный).

Указывая, что основная часть анекдотов о Насреддине возникла в среде городских и крестьянских низов (благодаря чему этот герой — прежде всего народный заступник, печальник народного горя), В. А. Гордлевский в комментарии к турецкому сборнику выделял анекдоты «искусственные», возникшие, например, в среде духовенства. Такое подразделение, однако, бывает субъективно. Так, комментируя рассказ, где Насреддин обманывает слепцов, прозвенев перед их посохом монетами и заставив их драться из-за несуществующих денег (см. № 403 и комментарий к нему; в нашем сборнике Насреддин обманывает не слепцов, а зрячих стражников, вариант о слепцах указан в комментарии), В. А. Гордлевский замечает: «Хотя этот анекдот сообщен двумя лицами, все же, очевидно, он нарушает сложившийся облик Насреддина как печальника народного горя» [5, с. 273].

Но плут или хитрец, обманывающий таким образом слепцов (ср. также № 327 и комментарий к нему), — традиционный персонаж именно народных рассказов (см. АА, 1577); точно такая же история рассказывается, например, о знаменитом герое немецких анекдотов Тилле Эйленшпигеле. Образ плута (или хитреца) вообще по природе своей многогранен; он предстает в разных ипостасях, и отделить «природное» (или «народное») от наносного, «искусственного» далеко не всегда возможно.

Герою знаменитого романа Леонида Соловьева это, правда, удавалось проще. Однажды в чайхане он услышал, как шпион эмира умышленно рассказывает о нем самом, Насреддине, лживую историю, чтобы опорочить героя перед простым народом. Это история, помещенная в нашем сборнике

Бирбал, Кемине, Ким Сои Даль и Насреддин. Все они оказываются то умными, то глупыми, то бедными, то богатыми, то верующими, то неверующими, то злыми, то добрыми и т. д. и т. п. ... Интересно, что подобные трансформации встречаются даже в рамках одного и того же сюжета» [19, с. 16].